

Писатель Андрей Дмитриев. Жизнь между Украиной и Россией

15 апреля завершится прием прозаических текстов на соискание Одесской международной литературной премии им. Исаака Бабеля. Редакция "Зачем" встретилась с председателем жюри премии — писателем, сценаристом Андреем Дмитриевым. Говорили о городе-курорте Киеве, об украинском шансе, о роли больших литературных премий в литпроцессе и о том, что Прилепин — не Толстой.

— Андрей Викторович, вы переехали в Украину осенью 2012 года. Чем вас встретила страна? Адаптационный период был долгим?

— Очень хорошо встретила меня Украина. Это было легко. Я приехал в Киев, не то чтобы имея предубеждения, но зная о предубеждениях других в России. И я встретил здесь очень добродушных людей, спокойных, расслабленных. Как мне сказал потом известный украинский журналист: "Киев не способствует работе. Это город-курорт для русского человека". И было именно ощущение курорта. Надо было себя заставлять работать. Выходишь из дома, гуляешь, все улыбаются, прекрасный климат, все дешево. Восхитительный город, а уж я повидал городов. Город свой. Я в него окупился сразу. И мне повезло со средой, меня приняли самые разные люди. Журналисты, известные ученые, издатели, поэты, кого-то я из них знал заочно и до того. Но возникла сложность, которая остается со мной и по сей день. Дело в том, что я человек со стороны, который должен с этой средой ужиться, уважать ее, пытаться понять ее, но я ничего не могу сделать с тем, что кто-то в этой среде — в силу обстоятельств, поступков, политической позиции — любит или не любит друг друга. Это очень сложная среда. А люди хотят видеть в других союзников. И по сей день мне трудно выдерживать позицию, с одной стороны, стороннего, а с другой стороны, сочувствующего наблюдателя. Я не сторонний человек, и я не хочу всем понравиться, мне дорога эта жизнь, дороги эти люди. Я уже могу дать какие-то оценки происходящему, в своем понимании, но общение мое трудное. И я настроился на преодоление сложностей. С друзьями у меня иногда происходят взрывные ссоры, для меня это означает, что я уже свой.

— А профессионально как это складывалось? Вы приезжали на готовое рабочее предложение?

— Дело в том, что я, как сценарист, могу писать что угодно на любые темы в любом жанре, но это нельзя перенести на прозу. Любимой мало-мальски серьезный прозаик всю жизнь пишет одну книгу, развивает некие смыслы. И я, скорее, избыл уже предания своего детства и юности и все, что с этим связано. А когда я переехал в Киев, начались такие события, которые вышибли меня из профессиональной колеи полностью. И сейчас мне приходится переосмысливать и мир, и жизнь в нем с нуля. Я пишу два романа, пишу очень медленно. Как мне сказал Леонид Генрихович Зорин, автор "Варшавской мелодии", пишущий в свои 92 года до сих пор: "Как тебе повезло оказаться в это время в Киеве. Писателю — оказаться на краю такого кратера. Тема этого кратера должна стать твоей главной книгой". А я не знаю, станет ли эта книга главной, напишу ли я ее вообще. В какой-то момент на меня вдруг начала давить моя собственная профессия, потому что в известном смысле я оказался не готов к подаренному мне судьбой материалу и набору смыслов. Почему не готов? Потому что все равно я не все здесь понимаю. А параллельно на меня давит то, что происходит в России. Потому

что она мне точно не чужда. И я понял, что мои темы, мои персонажи, они просто теперь не работают. Так вышло, что мои персонажи и значительная часть моих читателей — это простые люди с севера-запада и севера России, но на данном этапе я не хотел бы с ними даже общаться. Мой родной город — Псков, где расположена Псковская дивизия, там хоронят русских солдат без фамилий... Это же мой мир. Город моего детства.

Выходит, что здесь я живу, и еще не все понимаю, и нахожусь под определенным прицелом у людей. Все это — набор очень сложных переживаний. Это не только чувственные взрослые и детские волнения, это серьезные переживания, как вообще оставаться в профессии. Речь идет о социальном самоприменении.

Почти сразу после приезда в Украину мне предложили в издательстве "Лаурис" побыть редактором, и какое-то время я им побыл.

— То есть Киев — это было по любви?

— Конечно, по любви! Я приехал в Киев по личным мотивам. Потом личные мотивы отпали. Но я в момент огляделся и понял, что мне в Киеве хорошо. Меня устраивала среда. Хотя отношения здесь запутаны даже между собой. Безумно красивый город, а я провел детство в безумно красивом Пскове. Человек, который провел детство в красоте, совершенно по-другому смотрит на место, в котором он живет. И в котором он оказывается. И для меня всегда было крайне важно оказаться в красивом месте. Я жил в Москве с двенадцати лет и в Москве далеко не сразу обрел друзей. Истории одиноких прогулок из романа "Крестынин и тинейджер" — это про меня.

— У вас был сложный характер в подростковом возрасте?

— Характер у меня был простой. Но история была тяжелая. И это тоже я все проживал и описывал. Человек попадает в школу, а школа — полууголовная бурса. Я целый год проходил по городу пешком, один. В школе никто не заметил моего отсутствия. Шел 69 — 70-й год. Уже в конце учебного года, в мае, случилось прозрение по поводу отсутствия одного ученика. Скажу, что я не сразу ушел "гулять". Сперва я походил, принимал участия в драках, но мне быстро надоело каждый день драться, даже если это я когда-то поколотил. Я выходил из дома и гулял по Москве с полтинником в кармане на школьные пирожки. Я изучил город так, как никто. Моему книжному персонажу повезло больше, чем мне: зимой он заходит погреться в торговый центр. Но в мое время торговых центров не было.

— И как выглядела реакция родителей на ситуацию?

— Маму вызвали в школу и сказали: "Он не учился целый год. Что будем делать?" Меня, конечно, никто слушать не стал бы. Потому что работала установка, что учитель всегда прав. И как бы все закончилось, еще неизвестно. Но мама, пока поднималась со мной на пятый этаж к директору школы, как опытный учитель, учивший даже уголовников и надзирателей в вечерней школе, она очень быстро и четко оценила обстановку учреждения. Мне

на это понадобилось два месяца, прежде чем я ушел на улицу. Она вошла в кабинет директора и сказала: "Где документы моего сына?" Через четыре дня пришла проверка, и из школы уволили половину персонала, включая директора. Степень уголовщины в школе зашкалила. Под партами у любого шестиклассника была чекушка водки.

— И заточки?

— Кастеты. Заточки — это было бы совсем страшно. Чекушка водки и соломинка.

— Портили статистику по раннему циррозу печени.

— В основном все заканчивалось колонией. Поэтому у меня есть свои требования к городам и весям. И спустя столько лет я оказался в Киеве. Я здесь за пять лет ни разу не заболел простудой. Абсолютно мой климат. Прекрасная еда. И ритм Киева моей литовской частице по материнской линии очень близок. Я долго думал, что меня сюда привело. И вспомнил, хотя зацепка мне и не была нужна, что почти весь еврейский клан по линии отца (с ними я практически не имел дела, они жили очень обособленной жизнью) жил в Киеве. И только в семидесятые годы переехал в Нью-Йорк.

— Вы родились в Питере, Одессу не рассматривали как место обитания?

— Впервые в жизни я появился в Одессе в составе издательства "Лаурис" на фестивале "Зеленая волна" в 2013 году. И довольно быстро обрел там друзей.

— С кем дружите в Одессе?

— С Валерием Хаитом, с Витей Зонисом нас судьба свела однажды в одной каюте, когда мы плыли на пароме из Черноморска в Батуми. Более того, как когда-то я думал, что никогда не буду в Париже, а потом Париж мне надоел, так же я не предвидел, что когда-то попаду в Одессу. А потом стал приезжать туда не в сезон, кажется, в ноябре, и даже тогда это было очень хорошо.

— Сейчас многие уловили это чувство глубокой одесской несезонной осени. Пустые улицы, пляжи, и кроме рыбаков, которые ждут своего бычка, некому испортить пейзаж. Это была минутка рекламы перед туристическим сезоном. С чем вы столкнулись в Украине за годы жизни здесь — из того, чего никак не ожидали от этой страны?

— У меня не было особо никаких представлений. Поэтому внутренней сшибки у меня не было. Кроме того, у меня настолько было сильное впечатление от Украины вообще в первые же месяцы пребывания, что это вызвало целую волну сочувствия. Когда началась война, то меня удивляла не Украина. Меня в Украине поразила удивительная терпимость. Если знать, что происходит с гражданами страны, в отношении которой начинают агрессию, понимать, как это происходит, то это немислимая терпимость. Это многослойный вопрос. Но в любом случае — я ни разу, даже в самое страшное время, я имею в виду 2014 — 15 годы (а я не скрываю, откуда я, что я гражданин России, что я москвич и москаль, меня легко узнают поговору), не нарвался на проявления агрессии или хамства. Но в людях скопилось столько напряжения, что я переживаю за будущее страны, в которой живу. Люди, которые сейчас при власти, своими решениями и действиями вполне могут создать серьезную ситуацию для полного разрыва страны. И все это происходит очень грубо, и мне кажется, что простые люди ничего не понимают. Дело касается не только опасности принятия закона о языках. Дело в том, что есть ощущение, что кто-то внутри страны хочет поплясать на руинах, а линий разломов и противоречий огромное количество. Есть серьезный вопрос конфессий. В стране уже исчезли плакаты "Єдина країна". Мы подходим к очень опасной точке. Абсолютно проигрышной для Украины во всех смыслах. Мне бы не хотелось, чтобы надежды Украины на украинский шанс не оправдались. В таком случае и у России не будет шанса. И несмотря на все это, мне здесь намного проще жить и работать. И я не спеша пишу свои романы.

— Это романы об Украине?

— Я бы сказал — связанные с Украиной. Один точно о ней. Об Украине 2014 — 15 годов, но не впрямую о войне, скорее, с присутствием звука этой войны. А чтобы дописать второй роман, мне нужно пожить недельки три в Стамбуле. А я все никак не могу туда поехать.

— Надо ехать. Весна — лучшее время для Стамбула Орхана Памука. Встретимся в апреле в Стамбуле.

— Встретимся в Стамбуле.

— Я много раз вам звонила за последние несколько дней. У вас на рингтоне играет песня украинской группы "Океан Эльзы". Вы знаете украинский язык?

— Специально не изучаю. Забыл сказать, что я еще телеведущий. Есть такой православный киевский телеканал "Глас", и там есть пара светских передач. Одна светская передача — моя. Называется "Гражданская позиция". Я веду ее уже почти три года. Половина моих гостей говорят по-украински, и я прекрасно все понимаю. Я совершенно свободно читаю по-украински, но говорить не решаюсь. Разве что со своей подружкой, которая украинка. Я бы сказал, что я не говорю по-украински из уважения к языку.

— 2012 год, ваш роман "Крестынин и тинейджер" получает премию "Русский Букер". Я хочу процитировать по этому поводу Галину Юзефович — одного из ведущих литературных обозревателей: "В нынешнем году все, что можно сказать по поводу "Большой книги" и "Русского Букера", укладывается в одну короткую фразу: к литературе это не имеет никакого отношения". Что, тогда самые крупные литпремии не отражают картины литпроцесса?

— Нет, опираться на премии можно, но надо понимать, что премия является коллективным, но, конечно, не абсолютно объективным делом. Поскольку я был членом жюри крупных премий, могу сказать, что слишком много есть мифов по поводу жюри.

— Какой самый idiotский миф о жюри вы знаете?

— Самый idiotский миф — это сговор. Корыстный сговор. Я испытал это на себе. Пока ты не член жюри, ты человек как человек. Как только ты становишься членом жюри, то ты продажный, ты — и кум, и сват, и брат. Как только все прошло, ты снова чистый человек. Даже обидно.

— Вы председатель жюри Одесской международной литературной премии им. Исаака Бабеля. Идеальный вдохновитель этого проекта Валерий Исаакович Хаит часто говорит о том, что если бы Бабель остался жив, то непременно получил бы Нобелевскую премию.

— Думаю, что Нобелевскую премию Бабель не получил бы. Потому что авторы рассказов не избалованы этой премией.

— Валерий Исаакович считает, что он продолжил бы создавать несуществующие миры, подобно Маркесу.

— Насчет премии — это дело тонкое. Толстой, положим, не получил ее не только потому, что отказался заранее. Он сказал: "Я вам ее верну, если дадите", — и попросил, чтобы его не рассматривали как лауреата. Но его рассматривали. И его не включили в список за "Крейцеров сонату", за аморальность.

— В случае с Толстым вы исключаете, что этот предупреждающий "отказ" — это поза?

— Толстой не был позером. Иначе он был бы не Толстым, а Прилепиным. Это все было уже после того, как он написал трактат "Что такое искусство", в котором он отрекался от искусства как такового. А тут такое баловство, как премия. За что? Отказ как поступок входил в его систему мировоззрения. А его мировоззрение всегда было страстным. Одесит Бабель не получил Нобелевскую премию. А киевлянин Шолом-Алейхем ее получил?

— Нет.

— По крайней мере, слава Богу, Шолом-Алейхему никто в затылок не стрелял.

— И у меня последний вопрос, я задаю его не всем. Последний раз я задавала его Виктору Ерофееву. Андрей Викторович, что такое Родина?

— Для меня Родина — это Псковщина, Новгородщина, русский северо-запад, север, Ленинград-Петербург.

— Может быть, через какое-то время в этот круг войдет Украина?

— Я живу здесь пять лет, сжился с Украиной, и полюбил ее, и верю в нее. Но Родина — это все-таки чувственный и объемный образ детства.

Вопросы задавала Елена БОРИШПОЛЕЦ, корреспондент сайта "Зачем".